

ГЛАВА XIV.

БЕРЕЖЕНОГО И БОГЪ БЕРЕЖЕТЪ !

38.

Формальное признаніе Грузіи германскимъ правительствомъ близилось. Вопросъ о будущихъ грузино-германскихъ взаимоотношеніяхъ съ достаточной откровенностью освѣщался въ переговорахъ, а состоявшееся уже подписаніе дѣловыхъ соглашеній также дѣйствовало ускоряюще. Константинопольская конференція, правда, откладывалась неопредѣленно «на осень»; но ожидавшійся въ сентябрь 1918 г. пріѣздъ въ Берлинъ великаго визиря Талаатъ-паши давалъ надежду на улаженіе и нашихъ спорныхъ съ турками вопросовъ. Забота же *текущаго дня* перестала быть столь гнетущей: благодаря политической поддержкѣ Германіи и собственнымъ силамъ грузинская республика стала не на шутку устраиваться.

Этой паузою въ берлинской нашей работѣ я рѣшилъ воспользоваться для попытки «соприкосновенія» съ правительствами великихъ державъ, бывшихъ въ войнѣ съ Германіей.

Грузія была въ это время отдѣлена отъ державъ запада не только фронтомъ великой войны, тянувшимся поперекъ всей Европы и передней Азіи, но и огромными непроницаемыми пространствами революціонной Россіи, Украины и т. д. Тифлисъ былъ отрѣзанъ также отъ Баку и Тавриза, что лишило возможности связаться какъ нибудь съ англичанами въ Сѣверной Персіи. Впрочемъ, дѣлались-ли изъ Тифлиса попытки этого рода? Мы о нихъ не слышали въ Берлинѣ.

Пора была серьезно подумать объ установленіи такой связи, особенно-же въ виду общихъ перспективъ международ-

ной политики, какъ онѣ намѣчались во второй половинѣ лѣта 1918 года.

Мы пріѣхали въ Берлинъ въ тѣ дни, когда результаты германскаго наступленія во Франціи предвѣщали, какъ казалось общественному мнѣнію въ Германіи и въ многихъ другихъ странахъ, скорый конецъ войны и побѣду Германіи.*) Марна появилась снова въ бюллетеняхъ, Парижъ обстрѣливался изъ дальнобойныхъ орудій. Увѣренность — спержанная, твердая увѣренность въ успѣхѣ наблюдалась всюду.

Германія искала теперь рѣшенія на Западѣ, послѣ того какъ подъ ударами ея рухнулъ русскій фронтъ, и длиннымъ рядомъ трактатовъ и соглашеній «Срединная Европа» закрѣпляла свои позиціи на огромномъ пространствѣ отъ Финляндіи до Персіи.*)

Кажется, до конца лѣта, а можетъ быть до середины сентября 1918 г., увѣренность огромнаго большинства германцевъ въ успѣхѣ не колебалась. Самое худшее, что имѣли въ виду, это миръ почетный, съ признаніемъ все-же за Германіей разныхъ новыхъ выгодъ и пріобрѣтеній. Въ этой атмосферѣ и намъ довелось работать.

Катастрофа пришла неожиданно для всѣхъ. Вопросъ въ томъ когда сталъ явно примѣтенъ *поворотъ колеса Фортуны*.

Мнѣ лично такой поворотъ особенно почувался послѣ рѣчи Кюльмана 24-го іюня («война не можетъ быть рѣшена одною силою оружія»).

Въ теченіе іюля постепенно крѣпло впечатлѣніе, что Германія войны *не выиграетъ*, и что съ германо-грузинскимъ трактатомъ... не слѣдуетъ торопиться; что надо выждать и, въ то же время, поскорѣе расширить кругъ дипломатическихъ связей за предѣлы «Срединной Европы». Но какъ это сдѣлать? Въ моемъ положеніи члена грузинской делегаціи въ Берлинѣ практическое исполненіе задачи было вовсе нелегкимъ. Съ конца іюля представился къ счастью формальный поводъ (частнаго характера) для поѣздки въ нейтральное мѣсто — въ Христіанію, и я рѣшилъ туда поѣхать, для оповѣщенія за-

*) 27 мая 1918 г. германцы начали знаменитое нападеніе на Chemin des Dames. 30 мая они достигли Марны.

*) Эта работа продолжалась, по инерціи и тогда, когда успѣхъ началъ явно ускользать изъ рукъ Германіи: только катастрофа положила этой работѣ предѣлъ, сразу превративъ ее какъ-бы въ бесплодную суетню...

падныхъ правительствъ о нашихъ дѣлахъ, черезъ ихъ представителей въ норвежской столицѣ.

Осуществленіе плана пришлось отложить, изъ-за дѣлъ въ Берлинѣ. Кромѣ того, глава нашей делегации Чхенкели противился сначала этой поѣздкѣ, считая ее преждевременной, неудобной по отношенію къ германскому правительству (!) и т. д. Чхенкели, какъ и Николадзе, подъ вліяніемъ германской среды, были совершенно непоколебимы въ своей вѣрѣ въ германскій успѣхъ. Николадзе, ссылаясь на отчеты о дѣлѣ французскаго министра Мальви, увѣрялъ даже, что Франція вотъ-вотъ рухнетъ. Указанія на то, что дѣло теперь не въ Мальви, а въ Фошѣ, въ единомъ командованіи, и въ поразительномъ ростѣ американскаго участія въ войнѣ — не дѣйствовали. Но Николадзе все-же одобрялъ затѣю; далъ наконецъ, свое благословеніе и Чхенкели, и, послѣ недѣльныхъ хлопотъ по полученію паспорта и визъ, я выѣхалъ въ Норвегію 28-го августа, т. е. на другой день послѣ подписанія въ Берлинѣ германо-русскаго добавочнаго договора, говорившаго о независимой Грузіи.

39.

Быстро мчался поѣздъ по направленію къ морю. Всюду молотба въ полномъ ходу — каждое зерно на учетѣ. Въ Sassnitz'ѣ основательный контроль, для меня облегченный. На пароходѣ уже Швеція — кроны, хлѣбъ, сахаръ и т. д. Все на славу. Пароходъ называется «Король Густавъ V»; имѣется здѣсь и «королевская комната».

Гляжу вокругъ себя на шведовъ — прочный, кряжистый народъ. Каждое лицо — единица. Нѣтъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, множества несложившихся личностей, съ нулевыми фizioноміями.

29 августа прибылъ въ Христианію, но сначала долженъ былъ поѣхать дальше въ Лиллехамерь. Привлекательное мѣсто: славится воздухомъ и благоустройствомъ поселенія; природа свѣжая, зеленая, луговая, лѣсная и полугорная — снопы хлѣбовъ на поляхъ, въ оправѣ изъ скалъ и хвои, а рядомъ озеро и потокъ съ могучимъ водопадомъ.

Паспорта не спросили ни здѣсь, ни позже, въ Христианіи. Въ воюющей Европѣ сохранились и такія мѣста! Но война кажется далекой, когда съ высоты Хольменколлена, раннимъ

осеннимъ утромъ глядишь внизъ: фіордъ слегка затуманенъ, но все его вырѣзы видны, сквозь рѣшетку елей у балкона.

7 сентября посѣтилъ французскаго посланника г-на Бапста*) и вручилъ ему ноту о провозглашеніи независимости Грузіи. Онъ бывалъ на Кавказѣ — даже въ такихъ захолустьяхъ, какъ Сигнахъ!

Познакомилъ его съ главными событіями, послѣдовавшими за распаденіемъ кавказскаго фронта и объяснилъ неизбежность нашего обращенія къ Германіи. Такъ какъ посланникъ торопился въ англійское посольство, то я просилъ его сообщить сэру Мансфельдту К. Финдлей о моемъ намѣреніи быть у него. Съ г. Бапстомъ условились снова встрѣтиться на слѣдующій день — онъ просилъ меня «не ходить въ англійское посольство до второго нашего свиданія».

Второе посѣщеніе у французскаго посланника было очень основательное. Пришлось отвѣчать на самые разнообразныя вопросы. Разговоръ коснулся также провинцій С. Кавказа, Дона и т. д. Это была эпоха высадокъ въ Архангельскѣ, на Мурманскомъ побережьи, и я былъ не совсѣмъ неправъ, доказывая г. Бапсту, что Германія на югѣ, а воюющіе съ нею союзники на сѣверѣ дѣлаютъ въ сущности, одно дѣло: содѣйствуютъ локализациі большевизма въ предѣлахъ Московской Руси и восстановленію государственнаго порядка въ отдѣльных частяхъ бывшей Имперіи. Мой собесѣдникъ соглашался съ тѣмъ, что Грузія не могла дѣйствовать иначе, чѣмъ она поступала, и что было-бы неправильно въ провозглашеніи независимости Грузіи видѣть «германскую махинацію».

9 сентября былъ принятъ англійскимъ посланникомъ, въ присутствіи совѣтника посольства, г. Esmond Ovey.

Время было незаурядное, а потому посланникъ вполне хладнокровно и привѣтливо встрѣтилъ челоѣка, пріѣхавшаго прямо изъ непріятельскаго Берлина, и сообщившаго, въ официальномъ тонѣ, какъ о самой естественной вещи, о провозглашеніи независимости Грузіи и о надеждѣ этой республики получить признаніе Великобританіи, державы, которая и т. д. Фактическія обстоятельства — географіи и политики — за-

*) Онъ былъ скоро послѣ того назначенъ посломъ въ Токио.

ставили насъ начать работу съ Берлина — съ помощью Германіи мы стараемся создать противовѣсъ турецкому нашествію на Кавказъ; но, по существу, скорѣе дѣло и призваніе Англіи намъ помочь и т. д.

Финдлей высказалъ увѣренность въ дружественномъ расположеніи Англіи къ Грузіи; онъ лично такъ много слышалъ объ этой странѣ отъ Оливера Уордропа*)... Но едва-ли Германія, союзница Турціи, можетъ оказать помощь Грузіи противъ ея вѣкового врага!

Отвѣтъ: не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать вассальнаго положенія Турціи. Послѣдняя имѣетъ свои основанія для политики на Кавказѣ... Фактически, однако, движеніе турокъ къ Тифлису удалось задержать.

Финдлей. Все-же изъ того, что вы сообщаете о батумскомъ договорѣ 4-го іюня, видно, что турки захватываютъ позиціи, господствующія надъ Грузіей и остальнымъ Закавказьемъ!

Отвѣтъ. Къ сожалѣнію это такъ. Но мы не считаемъ этого положенія постояннымъ. Да и договоръ 4-го іюня не получилъ ратификаціи. Наша ближайшая цѣль была не допустить турецкой оккупации. Она достигнута. Признаніе-же независимости Грузіи Берлиномъ, Константинополемъ и Москвою — намъ нужно было и для скорѣйшей консолидаціи правительства внутри страны, и по соображеніямъ принципиальнымъ: независимость Грузіи есть цѣль, выходящая за предѣлы случайныхъ военныхъ обстоятельствъ.

Финдлей. Но само русское правительство не представляетъ русскаго народа, и что значило-бы его признаніе!

Заговорили о Баку. По мнѣнію сэра М. Финдлея, «это, очевидно, Германія толкнула Турцію въ сторону Баку».

— Едва-ли. Германія только что обѣщала совѣтскому правительству удержать турокъ отъ занятія Баку. Ей приходится все-же считаться съ желаніями Россіи, чтобы не вызывать осложненій на восточномъ фронтѣ! Движеніе турокъ на Баку объясняется достаточно и привлекательностью этой близкой добычи, и весьма важнымъ обстоятельствомъ: сближеніемъ Турціи и Азербайджана, на почвѣ тюркской солидарности... Въ общемъ, прибавилъ я, закавказскія дѣла, интриги и увлеченія приковали къ нашимъ краямъ много турецкихъ

*) О. Уордропъ (нынѣ сэръ О. У.) былъ какъ разъ въ это время британскимъ генеральнымъ консуломъ въ Бергенѣ. Совпаденіе весьма для насъ благоприятное!

войскъ и вниманія. Въ результатѣ вы только выиграли отъ этого — и въ Палестинѣ, и въ Мессопотаміи.

Ф. Было-бы очень важно, чтобы вы составили письменный обзоръ всѣхъ этихъ предметовъ. Изучивъ вашъ мемуаръ, я попрошу васъ снова побесѣдовать со мной... Отвѣтъ: Съ Удовольствіемъ исполню ваше желаніе. Но не правда-ли, мы будемъ считать, что мною, отъ имени грузинскаго правительства, уже сдѣлано официальное заявленіе англійскому правительству о провозглашеніи независимости Грузіи... Ф. Да, я смотрю на прочитанную вами ноту, какъ на официальный документъ. Я немедленно сообщу въ Лондонъ о вашемъ шагѣ.

Таково было первое соприкосновеніе независимой Грузіи съ официальной британской дипломатіей.

На слѣдующій день я получилъ записку французскаго посланника, который просилъ сообщить ему данныя о русско-германскомъ добавочномъ соглашеніи; онъ увѣдомлялъ, что о моемъ посѣщеніи и заявленіяхъ онъ уже телеграфировалъ въ Парижъ м-ру иностранныхъ дѣлъ Пишону. Я постарался, конечно, всячески удовлетворить любопытству г. Бапста.

Скандинавскія столицы были во время войны центрами развѣдки и контръ-развѣдки воюющихъ державъ. Въ небольшомъ сравнительно городѣ, какъ Христіанія, слѣдовало быть очень осторожнымъ, такъ какъ мнѣ предстояло вернуться очень скоро въ Берлинъ.

Для необходимыхъ формальностей пришлось побывать у германскаго генеральнаго консула. Когда я снова завернулъ къ нему за бумагами, онъ передалъ просьбу германскаго посланника посѣтить его.

Г. фонъ-Муціусъ недавно занялъ постъ въ Христіаніи, освободившійся лѣтомъ, вслѣдствіе назначенія г. фонъ-Гинце министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ служилъ въ Россіи (во время японской войны), въ Турціи — въ первые годы міровой войны, и былъ тѣсно связанъ со всѣми, кто на Wilhelmstrasse имѣлъ отношеніе къ нашимъ дѣламъ. Въ очень деликатной формѣ онъ намекнулъ на желательность, въ виду враждебнаго отношенія Норвегіи къ Германіи — помѣщенія въ норвежской печати статьи, освѣщающей безкорыстное содѣйствіе Германіи дѣлу свободы Грузіи и т. д. Желаніе вполне естественное! Какъ однако, его выполнить? Выходъ удалось найти: наканунѣ я снабдилъ фактическими данными относительно турецко-кавказскаго фронта одного стараго

знакомаго (еще по Петербургу, гдѣ онъ былъ корреспондентомъ англійскихъ газетъ) г. Норрегоръ, виднаго норвежскаго военнаго обозрѣвателя, статьи котораго часто цитировались въ европейской печати. Онъ держался скорѣе лагеря «Средней Европы», и я былъ увѣренъ, что онъ найдетъ случай похвалить Германію. Но это было ужъ его дѣло.

Меморандумъ, о которомъ просилъ англійскій посланникъ, былъ изготовленъ и сообщенъ представителямъ великихъ державъ Соединеннаго Королевства. Послѣ этого оставалось только спѣшить обратно въ Берлинъ, куда меня торопиль телеграфно, застрявшій тамъ дальше всѣхъ сроковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Грузіи.

ГЛАВА XV. НА ПОВОРОТѢ.

40.

Вернувшись послѣ трехнедѣльнаго отсутствія въ Берлинъ, я не нашелъ большихъ перемѣнъ въ настроеніяхъ тѣхъ, съ кѣмъ сталкивался. По инерціи, все дѣлалось и говорилось, какъ еслибы не предстояло никакихъ разочарованій; несмотря на явный ущербъ военнаго положенія, существовала, какъ мнѣ кажется, еще увѣренность въ томъ, что Германія, перейдя на оборону, способна очень долго держаться, и что ужъ во всякомъ случаѣ она выйдетъ изъ войны съ честью, не потерявъ лица.

Положеніе нашихъ собственно дѣлъ было слѣдующее: на основѣ сообщеннаго мною какъ то въ августѣ схематическаго проекта грузино-германскаго договора былъ составленъ трудами германскаго министерства проектъ, который намъ предстояло теперь разсмотрѣть. Что же касается вопроса о границѣ между Турціей и Грузіей, то этой темы, вмѣстѣ со многими другими, коснулись въ совѣщаніяхъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ съ турецкимъ великимъ визиремъ Талаатъ-пашею, только что прибывшимъ въ Берлинъ.

Цѣль этого пріѣзда заключалась, конечно, не въ одномъ разрѣшеніи текущихъ вопросовъ, но и вообще въ выясненіи того, какъ Германія могла-бы выручить Турцію въ эту трудную минуту, когда англичане стали серьезно тѣснить турокъ на главномъ теперь для нихъ — палестинскомъ фронтѣ. Германія-же нуждалась особенно остро въ томъ, чтобы турецкій союзникъ не дрогнулъ именно теперь, когда отъ твердости, устойчивости зависѣлъ весь исходъ войны.

15 сентября турки и азербайджанцы заняли Баку, заставивъ англійскій десантъ вернуться въ Персію. Эта неудачная попытка англичанъ оправдывала, въ сущности, турецкую опе-

рацію, и облегчала положеніе Германіи по отношенію къ Со-
вѣтскому правительству: послѣднее, очевидно, не могло ожи-
дать, чтобы Германія, находившаяся въ войнѣ съ Англійей, какъ
и Турція, удерживала послѣднюю отъ военныхъ дѣйствій
противъ общаго (для турокъ и германцевъ) непріятеля, за-
нявшаго Баку.

Но въ Палестинѣ дѣла принимали плохой оборотъ. Почти
одновременно съ успѣхомъ турокъ въ Баку, главныя ихъ си-
лы, подъ командой ген. Лиманъ-фонъ-Сандерсъ, отражали
наступленіе ген. Алленби на сѣверѣ отъ Іерусалима. 20-го
сентября былъ занятъ Назаретъ, главная квартира турокъ.
Англійскіе всадники изъ метрополіи и колоній проходили
практической курсъ библейской географіи. Турки начали не-
поправимо слабѣть.

Въ такой моментъ естественно было ждать, что Турція
съ большей готовностью, чѣмъ раньше, выслушаетъ совѣтъ
Германіи — не требовать на Кавказѣ больше того, что она,
Турція, имѣла въ силу Брестъ-Литовскаго договора. Въ ми-
нистерствѣ говорили, что есть шансы на это, но увѣренности
пока нѣтъ. Турки обѣщали-де равнымъ образомъ очистить
и Азербайджанъ, гдѣ должны были остаться только мѣстныя
татарскія части, правда, подъ командою турецкихъ офицеровъ.

Съ другой стороны, изъ германскихъ-же круговъ намъ
стало извѣстно, что Талаатъ упрекалъ Германію за то «пред-
почтеніе», которое она оказывала Грузіи, и послѣдствіемъ ко-
торого было упоминаніе одной Грузіи въ русско-германскомъ
добавочномъ договорѣ 27 августа (см. выше стр. 111). Германіи
будто-бы пришлось даже обѣщать великому визирю — назна-
чить немедленно консуловъ въ Азербайджанъ и Арменію.

24-го сентября состоялось свиданіе наше съ Талаатомъ:
для этого надо было всего только перемѣститься изъ одного
этажа гостиницы «Адлонъ» въ другой. Въ кабинетѣ великаго
визиря былъ еще молодой человекъ кавказско-османскаго
обличія, съ иголки одѣтый, весь глянцево-блестящій — отъ пома-
женныхъ волосъ до лакированныхъ ботинокъ: сынъ турецкаго
наслѣдника, слѣдовательно, племянникъ султана Фаррухъ-
Эфенди. Онъ присутствовалъ при нашемъ разговорѣ, не про-
ронивъ слова.

Знаменитый триумвиръ, изъ мелкихъ почтовыхъ чи-
овниковъ достигшій визирства и ставшій по этому «высо-
чствомъ», принялъ насъ съ отиѣнною любезностью. Этотъ
чужій смуглый помякъ (отуреченный болгаринъ) съ пламе-

немъ въ глазахъ и вовсе не сентиментальнымъ выраженіемъ
лица повторялъ на разные лады: «мы все устроимъ, всѣ спор-
ные вопросы уладимъ къ обоюдному удовольствію... Мы дол-
жны держаться вмѣстѣ на Кавказѣ. Вотъ еще сегодня Іоффе,
русскій посоль, говорилъ мнѣ, что они, русскіе, не признаютъ
даже Грузіи, хоть и согласились на признаніе ея Германіей!
Вы видите, мы должны быть союзниками: и затѣмъ, мы зай-
мемся совмѣстно тамъ на Востокѣ большою политикою... какъ
мы говорили съ г. Николадзе».

Подъ этой «большой политикою» разумѣлась кавказская
конфедерация, но особенно — политическая организція тюрк-
скаго востока, отъ Анатолиі до Туркестана.

«Бросьте германцевъ — будьте съ нами» такъ слѣдовало
понять Талаата.

— Ваше высочество не считали-бы возможнымъ подтвер-
дить, что въ вопросѣ о нашихъ границахъ усвоена какая ни-
будь опредѣленная формула, на примѣръ — указанія Брестъ-
Литовскаго договора? — «Я не могу войти сейчасъ въ подроб-
ности. Но могу васъ увѣрить, что все будетъ сдѣлано... При-
ѣзжайте въ Константинополь, и все устроится».

«Мы не можемъ ѣхать въ Константинополь, не зная, что
насъ тамъ ожидаетъ. Г. Чхенкели могъ-бы взять на свою от-
вѣтственность лишь такое рѣшеніе, которое не нарушало-бы
нашихъ жизненныхъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ, бы-
ло-бы, пожалуй лучше оставить вопросъ открытымъ...»

— «Я постараюсь убѣдить въ Константинополѣ моихъ
товарищей. Я доложу Султану. Я поставлю васъ въ извѣст-
ность о моихъ попыткахъ, и вы будете знать о результатахъ пе-
редъ поѣздкой въ Константинополь».

На прощанье еще порція взаимныхъ любезностей, упомина-
ніе о сосѣдствѣ, братствѣ по Востоку, и чуть-ли не родствѣ
и свойствѣ...

Вечеромъ того-же дня мы (Чхенкели, Николадзе, я) были
на Anhalter Bahnhof въ числѣ провожавшихъ Талаата, вмѣстѣ
съ армянскимъ делегатомъ д-ромъ А. Оганджянномъ. Вся
Wilhelmstrasse была тамъ, въ блестящихъ цилиндрахъ, съ
напряженнымъ, серьезнымъ выраженіемъ лицъ.

«Ты не измѣнишь намъ... Не правда-ли, ты намъ не измѣ-
нишь?» читалось въ нихъ. Условная учтивость маскировала
надежды и сомнѣнія.

Великій визиръ еще разъ повторилъ намъ свои обѣщанія:
онъ обошелся съ нами какъ со «своими». «Здѣсь холодно, въ

Берлин! говорилъ онъ: «у насъ въ Константинополь тепло, хорошо»... «Да, мы будемъ тамъ чувствовать себя какъ дома, у себя».

«Конечно... вѣдь всѣ мы дѣти одного Востока».

— Балканскій поѣздъ поплылъ.

На слѣдующій день мы узнали въ министерствѣ, что Талаатъ ничего не подписалъ въ Берлинѣ. Но имѣется протоколъ, составленный и оглашенный въ его присутствіи, въ который внесено, между прочимъ, заявленіе великаго визиря о согласіи его съ необходимостью для Турціи придерживаться на Кавказѣ границъ Брестъ-Литовскаго договора.

По словамъ д-ра Гепперта: Талаатъ ѣхалъ сюда съ полною увѣренностью, что получить санкцію Германіи по всѣмъ предметамъ батумскихъ договоровъ 4-го іюня 1918 г., уѣхалъ же съ твердымъ намѣреніемъ удовлетворить какъ можно болѣе желанія Грузіи и другихъ кавказскихъ республикъ.

Однако, все это были намѣренія и обѣщанія — подъ давленіемъ Берлина... или Палестины. Требовалась большая опредѣленность. Мы получили завѣреніе въ томъ, что германское правительство поддержитъ насъ и дальше въ вопросѣ о грузино-турецкомъ разграниченіи на Кавказѣ. Рѣшено было, что я одинъ отправлюсь въ Константинополь: если результатъ будетъ успѣшный, тогда Чхенкели приѣдетъ «подписать».

Подписать, подписать! Теперь, когда дѣло доходитъ до подписей, почва начинаетъ колебаться.

41.

Прежде чѣмъ отправляться въ Константинополь надо было подготовить въ Берлинѣ къ «подписи» нѣчто болѣе важное: проектъ договора между Грузіей и Германіей. 23 сентября я былъ по этому дѣлу у д-ра Криге. Онъ казался очень довольнымъ: съ своей точки зрѣнія формалиста, онъ полагалъ, что теперь, послѣ того какъ Россія изъявила согласіе на признаніе Грузіи Германією, ничто уже не можетъ помѣшать этому признанію. Онъ поздравилъ меня съ успѣхомъ и передалъ выработанный имъ, на основѣ моего первоначальнаго проекта, текстъ договора между Грузіей и Германіей.

Послѣ представленія съ нашей стороны замѣчаній и нѣкотораго препирательства, проектъ въ окончательной формѣ былъ установленъ и парафированъ 3-го октября.

Во вступленіи говорилось о желаніи сторонъ, въ виду провозглашенія самостоятельности и независимости Грузіи, установить на твердомъ основаніи дружескія отношенія между обѣими странами и содѣйствовать, такимъ путемъ, политическому и хозяйственному развитію Грузіи.

Первая изъ восьми главъ проекта («дружественныя отношенія между Германіей и Грузіей») содержала, прежде всего, признаніе независимости Грузіи, и обѣщаніе содѣйствовать признанію ея другими державами (ст. 1). Далѣе, здѣсь же говорится о желаніи сторонъ пребывать въ мирѣ и дружбѣ (ст. 2) и о примѣнимости къ ихъ взаимоотношеніямъ постановленій Брестъ-Литовскаго договора, поскольку не постановлено иное въ настоящемъ договорѣ (ст. 3).

Глава вторая касается установленія дипломатическихъ и консульскихъ сношеній (ст. 4-6). Глава третья — примѣненія германо-русскихъ государственныхъ договоровъ (бывшихъ въ силѣ до войны 1914 г.). Здѣсь же предусматривалась ихъ замѣна новыми соглашениями, «отвѣчающими измѣнившимся взглядамъ и отношеніямъ». (ст. 7-8).

Въ главѣ 4-ой содержится нѣсколько общихъ постановленій о хозяйственныхъ отношеніяхъ между Грузіей и Германіей. Предусмотрѣно заключеніе особаго торговаго договора (ст. 9-10).

Въ 5-ой главѣ говорится о размѣнѣ военнопленныхъ и интернированныхъ гражданскихъ лицъ (ст. 11-12).

Гл. 6-ая посвящена колонистамъ германскаго происхожденія въ Грузіи. Если они приобрѣли германское подданство до 31 декабря 1920 года, то должны получать увольненіе изъ грузинскаго подданства, даже оставаясь въ Грузіи (ст. 13). Имъ должны быть возвращены отнятые въ силу русскихъ законовъ во время войны недвижимости, горныя права и т. д. (ст. 14). Имъ обезпечивается равенство съ остальными жителями въ отношеніи занятій, промысловъ и пр., а также въ отношеніи налоговъ и повинностей (ст. 15).

Седьмая глава выговариваетъ нѣкоторыя гарантіи въ пользу германскихъ церковныхъ общинъ, школъ и ученыхъ установленій (ст. 16-18). Германскимъ ученымъ разрѣшено будетъ производить археологическія раскопки въ Грузіи. Въ ихъ распоряженіе поступитъ половина предметовъ, добытыхъ ихъ раскопками, причемъ послѣднія производятся по соглашенію съ мѣстными установленіями (ст. 19).

Наконецъ въ «заключительныхъ постановленіяхъ» восьмой главы говорится о порядкѣ ратификаціи договора (ст. 20).

Договоръ этотъ дополнялся слѣдующими болѣе специальными взаимными обязательствами, изложенными въ особыхъ нотахъ, которыми стороны должны были обмѣняться при подписаніи вышеизложеннаго договора:

Германія должна была оказать помощь грузинскому правительству предоставленіемъ послѣднему, по его желанію, совѣтниковъ для содѣйствія въ дѣлѣ устройства различныхъ отраслей управленія въ Грузіи. Въ частности давалось обѣщаніе облегчить условія снабженія необходимыми матеріалами грузинской арміи и желѣзныхъ дорогъ.

Съ другой стороны, грузинское правительство обѣщало, не отказываясь отъ общихъ рамокъ государственнаго надзора, признавать за германскими церковными общинами, школами и учеными установленіями право полного внутренняго самоуправления, не стѣснять ихъ въ отношеніи языка, плановъ преподаванія и т. д.

Таково было существо постановленій, которыя, вмѣстѣ съ раньше изложенными соглашениями о монополіи вывоза марганца, о «марганцевой» желѣзной дорогѣ, о Потійскомъ портѣ и о займѣ, должны были содѣйствовать упроченію государственной независимости Грузіи и помочь ея экономическому развитію.

3 октября 1918 года все было готово. Оставалось лишь «подписать». Чхенкели только этого и жаждалъ: ради этого онъ томился съ 2 іюня въ Берлинѣ. Но вотъ на бѣду, «другая сторона» не могла-бы этого сдѣлать. Старый канцлеръ (графъ Гертлингъ) и статс-секретарь иностраннаго вѣдомства (фонъ Гинце) ушли въ отставку. Новыхъ еще не было. И не до Грузіи имъ будетъ теперь!

Германія шла быстро отъ канцлерскаго кризиса къ парламентскому, отъ парламентскаго — къ революціи. Оказалось, что не такъ то легко перейти на «короткій фронтъ» и тамъ обороняться. Могучая стальная пружина германской государственности — германской воли, вмѣсто того чтобы упруго сжаться — неожиданно сломилась.

42.

Если не ошибаюсь, германское министерство иностранныхъ дѣлъ впервые получило определенное извѣстіе о предстоящемъ отпаденіи Болгаріи — 25 сентября, т. е. наканунѣ отъѣзда

изъ Берлина Талаать-паши. Когда, въ ближайшіе дни, объ этомъ всѣ заговорили, то при всей тревогѣ, вызванной извѣстіями изъ Софіи, общее настроеніе въ Берлинѣ нисколько не было унылымъ. Имѣю, при этомъ, въ виду не народную массу, которая извѣстіями этого рода, кажется, не интересовалась, но людей служилыхъ и дѣловыхъ высокаго разряда, съ которыми приходилось такъ часто бесѣдовать въ послѣдніе числа сентября и въ первые дни октября 1918 года.

Дѣло въ томъ, что такъ сильна была вѣра въ военную мощь Германіи, что вопросъ о болгарской брешѣ разрѣшался просто: туда будетъ отправлено... уже отправлено столько то дивизій! Вотъ и все.

На западномъ фронтѣ — оборона на короткомъ фронтѣ; одновременно — внутри, отступленіе на фронтъ «парламентаризма».

Эти два отступленія дадутъ возможность ждать и добиться сноснаго мира.

Повторяю: всѣ ждали, что пружина сожмется. А она — сломалась.

Впрочемъ, это произошло — или сдѣлалось явнымъ — спустя мѣсяць. Пока — только начинался сдвигъ массовой психологіи, начиналось политическое шатаніе — главнымъ образомъ вслѣдствіе трудности положенія на западномъ фронтѣ. Конечно, болгарскія событія особенно ярко показывали всю перемену сравнительно съ іюнемъ мѣсяцемъ, когда мы сюда пріѣхали!

29 сентября.

... Въ это свѣжее, осеннее воскресенье, какое оживленіе, какая толпа въ Берлинѣ! Какъ всѣ спокойны, какъ обыкновенно выглядятъ, а между тѣмъ... «Срединная Европа» дала несомнѣнную трещину! Дрогнула Болгарія — и въ эту дверь вольется изголодавшаяся по успѣху желѣзная рать!

Здѣсь еще надѣются, что трещина будетъ задѣлана. Все же, наступаютъ разительныя перемены и неожиданности.

Мы окажемся здѣсь отрѣзанными отъ нашей страны. Возможенъ и уходъ германцевъ изъ Грузіи...

30 сентября.

Всѣ разрѣшенія и визы для поѣздки въ Константинополь «Балканскимъ поѣздомъ» получены. Надо только, чтобы по-

ѣздъ этотъ отправился — и чтобы онъ, миновавъ Софію, по-
палъ въ Константинополь. Кто за это поручится?

Вильгельмъ согласился на «народное правительство» —
болгарскіе делегаты въ Салоникахъ — сербы около Ускюба —
англичане въ Камбрэ...!!

Неужели у самаго финиша мы споткнемся съ нашимъ при-
знаніемъ. Педанты изъ Auswärtiges Amt тянули, колебались —
и вотъ теперь эффектъ германскаго признанія будетъ совсѣмъ
другой.

Вся обстановка мѣняется. Но намъ нечего бояться, и не
отъ чего отречься: «признаютъ» насъ и другіе, лишь бы твер-
до желали своей независимости и защищали ее у себя.

3 октября.

Послѣнее свиданіе съ однимъ изъ помощникомъ д-ра Крига:
окончательно установленъ текстъ нашего договора, протокола
и нотъ...

Въ корридорѣ нашей гостиницы наткнулся на... сундуки
фельдмаршала ф. Гинденбурга. Онъ въ городѣ, также какъ
Императоръ.

Шейдеманъ (с. д.) — статс-секретарь Имперіи; о, Umsturz-
gesetz!*)

*) Знаменитый исключительный законъ, изданный при Бис-
маркѣ въ 1878 г. противъ социалистовъ.

ГЛАВА XVI.

ПОСРЕДИ КРУШЕНІЯ.

43.

Въ пятницу, 4-го октября 1918 г. я отправился, наконецъ,
Балканскимъ поѣздомъ*) въ Константинополь. Трудно было
ждать теперь толку отъ этой поѣздки, въ круто измѣнившихся
условіяхъ: однако, казалось интереснымъ оцѣнить обстановку
съ новаго наблюдательнаго пункта.

Товарищъ мой по купѣ, отставной турецкій генералъ, по
имени Мехмедъ-паша пугливо разговаривалъ о политическомъ
положеніи; поздравлялъ съ независимостью Грузіи; угощалъ
хлѣбомъ и сахаромъ; познакомилъ тутъ-же въ поѣздѣ съ ге-
нералъ-адъютантомъ недавно умершаго султана Магометъ-
Решада, Салехъ-пашею; этотъ тоже съ сокрушеніемъ покачи-
валъ головою.

Вообще, въ поѣздѣ преобладали турецкіе офицеры раз-
ныхъ ранговъ, гражданскіе турки (левантинцы высшей марки),
а также германскіе офицеры турецкой службы.

До Бѣлграда ѣхали съ точностью, по росписанію: здѣсь-
же, въ ночь на воскресенье, задержались нѣсколько часовъ.
Благодаря загроможденію пути воинскими поѣздами, опозда-
ніе наше все возростало, и въ Нишъ мы пріѣхали въ 5 час.
пополудни вмѣсто 5 часовъ утра.

*) «Балканскій поѣздъ», связывавшій во время войны сто-
лицы четвернаго союза скорымъ сообщеніемъ (два раза въ недѣлю)
былъ своего рода чудомъ организациі и пунктуальности. Его
маршрутъ былъ: Берлинъ-Прага-Вѣна-Будапешть-Бѣлградъ-Со-
фія-Константинополь. Мнѣ случилось быть пассажиромъ послѣд-
няго «балканскаго поѣзда». Переустройство Срединной Европы
послѣ 1919 г. сдѣлало ненужнымъ, т. е. невозможнымъ «балкан-
скій поѣздъ». Вмѣсто него возстановился «Восточный экспрессъ»
(Парижъ-Константинополь).

Огромное зданіе у вокзала — не то арсеналь, не то казармы — занято подъ госпиталь. Движеніе небольшихъ частей, обозиковъ взадъ и впередъ. Непроницаемо-сѣрое небо, неперестающій дождикъ; налетъ чего-то свинцоваго на всей странѣ, — а въ то же время чувствуется, какъ слабое пламя надежды уже затеплилось въ сердцахъ жителей — они какъ будто пріободрились — уже передаютъ другъ другу на ухо извѣстія о томъ, что такъ долго казалось невозможнымъ; а временные властители начинаютъ терять свою увѣренность, и вотъ вотъ стануть готовиться къ отходу.

— Непрiятель въ 80 километрахъ отъ Ниша — таинственно сообщаетъ вагоновожатый.

Что должны чувствовать сербы, ступившіе на родную почву?

...Однако, мы основательно застряли въ Нишѣ! Въ вагонъ-ресторанъ узнаемъ объ отреченіи Фердинанда Болгарскаго, о восшествіи на престолъ сына его Бориса и объ условіяхъ болгарскаго перемирія! Вотъ такъ брешь пробита!

Довольно поздно намъ говорятъ, что балканскій поѣздъ дальше Ниша не пойдетъ, что завтра утромъ будетъ другой поѣздъ — на Софію, для желающихъ, а также обратный — на Бѣлградъ. Любопытно было видѣть всеобщее волненіе при извѣстии о такомъ «безпорядкѣ». Германскіе офицеры всѣ исчезли въ комендантуру; турки совѣщались отдѣльно, какъ имъ быть; «штатскіе» стали просить обратно билеты и багажъ, забѣгали безъ толку.

Я рѣшилъ ѣхать на Софію и преспокойно улечь спать. Мой турокъ сообщилъ, что всѣ они возвращаются въ Будапештъ и поѣдутъ на Констанцу. Германцы и вообще всѣ почти пассажиры также возвращаются — изъ опасенія быть задержанными въ Болгаріи.

На слѣдующее утро (7-го октября), простившись съ удобствами экспресса (нѣтъ больше «балканскихъ поѣздовъ!»), выѣхалъ изъ Ниша съ немногими, рискнувшими пробраться въ Софію, какимъ-то сомнительнымъ поѣздомъ, неясно какого вѣдомства. Позже подсѣло множество демобилизованныхъ болгарскихъ солдатъ. Вспомнилась Россія.*)

*) Заключенное 30 сентября 1918 года перемиріе вступало въ силу 10-го октября. Тогда-же былъ отставленъ болгарскій генералиссимусъ Жеквъ. Но демобилизація началась, повидимому, самочинно.

По шоссе тянулись безъ конца обозы, груженные чѣмъ угодно: сѣномъ, снопами, скарбомъ, дровами. Болгары, видимо, не желали возвращаться домой изъ Сербіи съ пустыми руками! Вотъ подлинная война «хозяйственныхъ мужичковъ».

Послѣ семи часовъ пути прибыли въ Софію. Не безъ сходства съ русскими губернскими центрами, напр. Харьковомъ, чему, конечно, помогаетъ шрифтъ вывѣсокъ. Вокругъ вокзала неопикуемая слякоть. Сравнительно нарядный кварталъ около дворца, гдѣ на дняхъ завершилась, довольно безславно, одна изъ самыхъ необычныхъ политическихъ карьеръ конца XIX-го вѣка.

Въ гостинницѣ Gd Hôtel de Bulgarie живетъ не дурно. Здѣсь уже края, неспособные къ самоотверженности и педантизму германскаго постничанія!

Грубоватыя, жесткія лица прочной фактуры: тонкости ни малѣйшей. «Тонкое» и не выдержало-бы грубости вѣкового турецкаго рабства.

Софія теперь тупикъ, изъ котораго никуда не выскочишь, и гдѣ нечего дѣлать. Правда, вопросъ о турецко-грузинской границѣ теперь и не столь... злободневенъ; да и рѣшеніе его не будетъ зависѣть отъ Грузіи съ Турціей; все же лучше продолжать путь на Константинополь.

Турція еще въ войнѣ: каждую минуту болгаро-турецкая граница можетъ быть закрыта, поэтому надо торопиться.

8 октября.

Въ 5 час. отойдетъ поѣздъ на Филиппополь (болгарскій Пловдивъ) и Кулели Бургасъ. Съ невѣроятными затрудненіями, благодаря помощи комиссіонера, получаю пропускъ и даже устраиваюсь въ офицерскомъ купѣ (!). Вагонъ основательно набитъ солдатами.

Демобилизація и отреченіе Фердинанда успокоили народъ: большевицкое движеніе погашено, говорятъ, при самомъ возникновеніи. Объ этомъ не могу судить, но вижу, какъ солдаты съ тѣнями спѣшатъ по домамъ, поѣзда отходятъ отъ станцій при громогласномъ ура! Народъ въ очевидномъ восторгѣ — отъ конца войны.

Спутники офицеры объясняютъ все происшедшее утомленіемъ народа. «Какъ можемъ мы выносить тяжесть войны въ теченіе столькихъ лѣтъ, мы, примитивный земледѣльческій

народъ безъ всякой промышленности, которому навязали цѣлый фронтъ! Вдобавокъ, къ прежнимъ непріятелямъ прибавилась еще Греція! И какъ намъ теперь быть съ милліардами нашего военного долга!».

Ночью ѣхали безъ огней — говорятъ, изъ опасенія аэроплановъ. Въ Софіи германцевъ было еще много, но, казалось уже, что они на отлетѣ, — и горничная въ гостинницѣ многозначительно сообщала, что «у насъ поселился французскій майоръ» (!).

Проѣхали Филиппополь. Населеніе поѣзда стало рѣдѣть; остались кому надо было въ Дедеагачъ, Гюмюрджину и тому подобныя милыя мѣста. *)

9 октября.

Утромъ подползли къ Адрианополю — буйволы пасутся въ степи, а за ними вдали минареты знаменитой мечети — и достигли, наконецъ, *Кулели-бургаса*. Здѣсь пересѣлъ въ турецкій вагонъ, очень удобный, но ѣзда отвратительная. А ѣды вовсе никакой! все какъ саранчею уничтожено. Выручили запасливые спутники — единственные, поѣхавшіе въ Константинополь, изъ состава нашего, печальной памяти, экспресса: купецъ изъ «салоникскихъ», венгерскій офицеръ съ деньшикомъ («не желаете-ли? онъ вамъ платье почиститъ»). да австріецъ, директоръ Союзнаго Вѣнскаго банка въ Константинополь. Этотъ австріецъ, г. Ш., былъ лѣтомъ въ Тифлисѣ, въ качествѣ «экономическаго» совѣтника при австро-венгерской миссіи. Онъ толково и съ симпатіей говорилъ о нашихъ дѣлахъ, выражалъ желаніе вернуться туда и поработать, какъ слѣдуетъ («Славная публика нѣкоторые ваши министры, генералы и др.: но романтики, и по-дворянски недѣловы: совсѣмъ какъ у насъ и въ Венгріи лѣтъ 50-60 тому назадъ!»). Ну, насчетъ «романтизма» онъ заблуждался.

Спаньоль рассказывалъ о своихъ дѣлахъ, спрашивалъ, можно-ли достать въ Грузіи отбросовъ шелка (его специальность) — если-бъ онъ только зналъ, сколько тамъ всякихъ «отбросовъ!» — и ругалъ сіонистовъ: не Палестина нужна евреямъ, а просторъ и возможность работать всюду!

На одной изъ станцій жандармъ сообщилъ о паденіи

*) Центръ Болгаріи связывался съ этими, тогда (1918) болгарскими городами рельсовымъ путемъ черезъ турецкую территорию.

правительства Талаатъ-паши*) и о предстоящемъ назначеніи великимъ визиремъ Тевфикъ-паши (это — мирь!). Не везетъ намъ съ министрами — они таютъ межъ пальцевъ какъ комья сѣнга. Ной Жорданія оказался пока прочнѣе Кюльмана, Гинце и Талаата! Впрочемъ, зачѣмъ ему падать — никто вѣдь его и не толкаетъ.

Глубокой ночью, теплою, южною, приѣхалъ въ Константинополь. «Фазтонъ» — и гайда въ Перу! Еще кое-гдѣ открыты фруктовыя лавки — дыня теплымъ оранжевымъ пятномъ ютится около яблокъ и винограда. Пахнетъ свѣже-испеченнымъ хлѣбомъ. Югъ, мягкій, богатый плодами и овощами, наполовину уличный, беззаботный, чувствовался съ остротою — пара крѣпконогихъ лошадей цѣпко взбиралась на Перу — вотъ и Pera-Palace. Добрался таки до Константинополя.

44.

10 октября.

Только попалъ сюда съ опозданіемъ въ цѣлыхъ 64 часа! Опять надо отвыкать отъ точности. Нашъ константинопольскій делегатъ Г. Гвазава**) — онъ оставался здѣсь одинъ; остальные члены делегации, прибывшей сюда еще лѣтомъ (!) вернулись во-свояси — чувствовалъ себя какъ на дачѣ.

Отъ него видъ на Золотой рогъ, прямо на мечеть султана-Завоевателя; на-лѣво — акведукъ; направо — византійская крѣпостная стѣна, мечеть Эюба. Небо голубое, солнце яркое — радовали послѣ берлинской осени, послѣ балканской слякоти! Опрокинутыя чаши куполовъ, острія минаретовъ, веретена кипарисовъ, груды развалинъ и неожиданныя плѣши посреди густо застроенныхъ кварталовъ — весь этотъ знакомый кавардакъ зданій и улицъ, отлившійся на древнихъ холмахъ въ законченную форму огромнаго города подъ божьимъ солнцемъ, между водъ трехъ морей и двумя материками — вотъ онъ, такъ долго грозный, такъ долго хитроумный, теперь ослабѣвшій, наивный въ своей старости Константинополь!

*) Онъ вышелъ въ отставку 8 октября, спустя двѣ недѣли послѣ своего отъѣзда изъ Берлина.

**) Тифлисскій адвокатъ, б. членъ Закавказск. Сейма, Грузин. Нац. Совѣта, Учред. Собр. и т. д.; нац.-дем. Былъ въ составѣ закавказской делегации на Трапезундской конференціи.

Изъ моего окна видъ на городской садъ, на «малыя поля», на вдовствующей пока флагштокъ англійскаго посольства, на водораздѣльный кряжъ между Босфоромъ и Золотымъ рогомъ. ...Внизу, все знакомыя по батумской конференціи лица, вотъ Расуль-заде; вотъ П. — отуреченный грузинъ, примкнувшій теперь къ азербайджанцамъ (и на здоровье!); вотъ Гайдаръ-бей Баммать и другіе. Но дальше-дальше — казанскіе татары, туркмены, сарты и другіе туркестанцы — своеобразная окрошка! и въ этомъ растворѣ наша делегация мариновалась столько времени!

Познакомился съ «мехмандаромъ» т. е. приставомъ кавказскихъ делегаций. Это — особа. Но при каждой делегации состоитъ еще свой т. сказать «мехмандарчикъ».

...Зато кормятъ здѣсь великолѣпно. Сахаръ, кофе, бѣлый хлѣбъ, масло — все что въ Берлинѣ казалось рѣдкостью и роскошью — здѣсь на каждомъ шагу. Дороговизна значительная, но нѣтъ переулка, гдѣ не пестрѣла-бы груды овощей; круги сыра и фрукты рядомъ съ тушами мяса, — а окна кондитерскихъ забиты всякими сластями.

Германія и въ военный постъ этихъ лѣтъ старалась вносить всю строгость кантовскаго «категорическаго императива»; но отказаться отъ сладостей было-бы превыше силъ константинопольскихъ. Впрочемъ, уже въ Венгріи чуялась большая вольность по части яствъ — кое-гдѣ мелькали какія-то легкомысленныя булочки и т. д.

Въ Берлинѣ чуть-ли не каждое яблоко глотаютъ съ чувствомъ грѣховности, здѣсь-же и дыни, и персики, и фиги, и виноградъ — каждый день.

Армянскіе делегаты живутъ въ отелѣ Токатліана. Видѣлъ тамъ Аветиса Агароняна*) Пападжанова и другихъ.

12 октября.

Посѣтили насъ члены здѣшней грузино-католической конгрегации, во главѣ съ Піо, молодымъ еще человѣкомъ, брюнетомъ черноты непостижимой. Все это коренные *месхи*, народъ простой, добрый, вѣрующій, большіе патриоты.

Позже у генерала фонъ-Лоссова, въ германскомъ посольствѣ. Изъ пріемной обширный видъ на Скутари и Босфоръ. На стѣнѣ, между прочимъ, гравюра, сдѣланная по эскизу

*) Даровитый армянскій писатель, позже предсѣдатель делегации въ Парижѣ,

императора Вильгельма: нѣкто въ «блестящемъ вооруженіи» безмолвно оберегаетъ входъ въ чертогъ, гдѣ мирно играютъ дѣти и работаютъ жены; а извнѣ ползеть всякая нечисть. Автографъ кайзера, въ Іерусалимѣ.

Лоссовъ говорилъ о нашихъ уѣздахъ съ Иззеть-пашею и совѣтуеть скорѣе закончить дѣло. Но все это теперь такъ устарѣло!

13 октября.

Здѣсь все еще нѣтъ правительства; но визиремъ видимо будетъ Иззеть-паша. А между тѣмъ, какія времена, какія обстоятельства! Положительно, исторія пустилась вскачь! Гдѣ то время, когда въ Петроградѣ насмѣшливо вопрошали (по поводу затяжной траншейной войны): Ахъ, *messieurs*, ужъ не *assez-ли*, вамъ сидѣть у Лабассэ? или въ этомъ родѣ.

Теперь вопрошателей давно уже обкарнали большевики, Россія въ войнѣ больше не участница, а «сидѣльцы» у Лабассэ готовятъ Германіи чуть ли не капитуляцію и уже заставили центральныя державы стать подъ знамя демократіи.

Сообщенія съ Софіей прерваны: тамъ уже французы; въ Нишѣ сербы. А Германія согласилась очистить занятые части Бельгіи и Франціи — близится миръ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Азербайджана Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ*) собирается въ Германію и вообще въ Европу. Онъ сторонникъ полной независимости Азербайджана и союза его съ Грузіей. Здѣсь также министръ юстиціи Хасмамедовъ (тоже б. депутатъ Г. Думы). По его словамъ, порядокъ теперь въ Азербайджанѣ образцовый — съ тѣхъ поръ какъ Нури-паша (братъ Энвера) появился въ Ганджѣ (Елисаветполѣ). Турція вообще во многомъ ихъ поддержала. Теперь тамъ уже 20000 войска (своего), скоро будетъ и сто. Съ Россіей и Грузіей возобновился товарообмѣнъ; въ народѣ дисциплина болѣе строгая, чѣмъ, на примѣръ, въ Грузіи, скоро будетъ созванъ парламентъ и т. д.

Слишкомъ ужъ все хорошо обстоитъ тамъ, если послушать Х.! Между тѣмъ, сколько трудностей представить тамъ хотя-

*) Б. членъ 1-ой Госуд. Думы, видный дѣятель, позже предсѣдатель делегации Азербайджанской республики въ Парижѣ.

бы вопрос о формѣ правленія...*). Оба мои собесѣдника — люди хорошей русской университетской выучки.

Въ другомъ родѣ — Расуль-заде. Персидскіе дѣятели, мелькомъ видѣнные въ Берлинѣ, — оказывается, его старые друзья. Съ ними вмѣстѣ онъ работалъ въ Тегеранѣ, издавая газету на персидскомъ языкѣ. Позже Расуль-заде перенесъ свою дѣятельность въ Константинополь, а затѣмъ — въ Баку. Свое нарѣчіе, турецкій и фарсійскій онъ знаетъ одинаково хорошо. У него широкіе взгляды на необходимость націонализированія и демократизированія культуры на востокѣ. Несчастіе Персіи онъ видитъ (и не онъ одинъ!), на примѣрѣ, въ томъ, что тамъ выродившійся иранскій югъ держится тюркскимъ сѣверомъ, свѣжимъ и жизнеспособнымъ, которому навязанъ чуждый персидскій языкъ отрывающій тамъ верхи отъ массъ. По мнѣнію Р. должно произойти раздѣленіе Персіи на двое, причѣмъ сѣверъ вмѣстѣ съ закавказскимъ Азербайджаномъ можетъ образовать одну единицу, а иранскій югъ — другую, способную развиваться въ сторону Афганистана, Белуджистана, Индіи. Эти двѣ единицы могли-бы соединиться въ унію — а въ дальнѣйшемъ, войти въ болѣе сложную систему, вмѣстѣ съ другими государствами передней Азіи!

Все это очень интересно; однако, различіе сѣвера и юга можетъ привести и къ простому различію сферъ вліянія — какъ это и было еще недавно! Прежде всего, необходимо чтобъ данъ былъ показательный примѣръ жизнеспособнаго самостоятельнаго мусульманскаго государства!

Въ общемъ, у нашихъ татаръ наилучшія надежды. Приѣхавъ сюда, они вдругъ почувствовали себя въ блестящей, знатной столицѣ большого родственнаго государства, почувствовали себя членами обширной тюркской семьи; сознание

*) Въ 1918 году почва въ Азербайджанѣ была довольно благоприятна для учрежденія эмирата. Это, вѣроятно, вполне соответствовало взглядамъ и чувствамъ большинства населенія: я не говорю, конечно, о промышленномъ, рабочемъ Баку.

На эмиратъ этотъ были, повидимому, и турецкіе претенденты (совершенно аналогично германскимъ притязаніямъ на короны Финляндіи, Венгрии, Балтики и пр.). Я какъ то, помню, совѣтовалъ азербайджанцамъ поискать въ извѣстномъ каталогѣ мусульманскихъ династій Stanley Lane-Poole (Mahomedan Dynasties. 1894) «предковъ» для опредѣленія нужнаго имъ «потомка». Впрочемъ, они и безъ меня знали, что въ Остѣ-Индіи найдется близкіе имъ по крови и по традиціи Тимуриды.

этой связи должно было подкрѣпить ихъ духъ, ихъ самоуверенность. Послѣднія неудачи Турціи задержали нѣсколько полетъ ихъ намѣреній, но не уменьшили пока ни ихъ оптимизма, ни ихъ надеждъ.

Да, турецко-азербайджанское сближеніе — фактъ немалого историческаго значенія: и послѣдствія его будутъ разнообразны. Что выростетъ изъ этихъ сѣмянъ 1918 года — трудно еще сказать.

Положеніе нашихъ горцевъ здѣсь, конечно, иное. Но связи у нихъ огромныя — на каждомъ шагу, повсюду въ Турціи, у нихъ родичи. Кто этого не знаетъ?

Какъ удивился-бы Шамиль, если-бы увидѣлъ въ 1918 году министра иностранныхъ дѣлъ горской республики (Баммата), воспитаннаго по европейски и говорящаго по французски!

Когда, проѣздомъ изъ Калуги... въ Мекку, Шамиль остановился въ Константинополѣ, султанъ Абдуль-Азизъ на пріемѣ поцѣловалъ ему руку — знакъ необычайнаго уваженія мусульманскаго міра къ знаменитому Иمامу. Спустя полвѣка провозглашеніе независимости горскихъ народовъ встрѣчено было съ радостью на всемъ Востокѣ — даже такими давними выходцами съ Кавказа, какъ знатные черкесскіе роды Египта.

Но надеждъ на *практическую* помощь Турціи, несмотря на всѣ эти чувства и традиціи, наши горцы, мнѣ кажется, не должны питать. Впрочемъ, не мѣсто здѣсь углубляться въ эту тему.

...При всемъ опасномъ ихъ географическомъ положеніи горцы С. Кавказа живутъ тамъ у себя, на родинѣ.

Насколько тяжелѣе положеніе тѣхъ, которые и здѣсь, въ Турціи, не могутъ отречься отъ признанія своей породы, а въ то-же время видятъ, что нѣтъ здѣсь *своего* будущаго. Такіе попадаютъ еще между потомками массовой эмиграціи 60 и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, вызванной такъ наз. замиреніемъ и покореніемъ Западнаго Кавказа. И остается у нихъ, кромѣ тоски и недовольства, только черкеска, гордая поступь — и нѣсколько гортанныхъ или свистящихъ звуковъ — и то у тѣхъ лишь, кто еще сопротивляется смывающей ихъ волнѣ исторіи.

14 октября.

Отправились съ визитомъ къ Махмутъ-пашѣ, такъ наз. Чуруксули, изъ грузинскаго рода Тавдгиридзе. Приняты были крайне привѣтливо въ домѣ полуевропейскаго устройства, на одномъ изъ подъемовъ отъ площади Топ-хане. Паша, бывавшій раньше министромъ, долженъ былъ войти въ правительство и Тевфикъ-паши, если-бы оно сформировалось. По его словамъ, онъ все готовъ сдѣлать для Грузіи, въ предѣлахъ, совмѣстныхъ съ интересами Турціи. Теперь отъ послѣдней можно ожидать болѣе сдержанной и умѣренной политики. Самъ онъ не разъ уже внушалъ, кому надо, необходимость сохраненія связи между Батумомъ и Грузіей. Онъ обѣщалъ поговорить съ новымъ великимъ визиремъ о желательности разрѣшенія спорныхъ между нами и Турціей вопросовъ немедленно, нынѣ же. Послѣ традиціонной чашечки чернаго кофе, поданнаго слугою-матросомъ, мы откланялись любезному хозяину. Голова и хвостъ бесѣды были грузинскія, тѣло — французское.

Странно, гуляя въ Перѣ, видѣтъ всѣ эти скрытыя за рѣшетками и покинутыя посольства. Вотъ, на примѣръ, старое владѣніе Франціи: любопытна его окаймляющая съ одного бока «Польская» улица; а вотъ благородный фасадъ дворца Россіи — нынѣ ея государственныя эмблемы на зданіи задернуты чернымъ флеромъ.

Турція становится на колѣни — она уже на колѣняхъ передъ «западными демократіями»: ее непременно попросятъ вонъ и изъ Батума. Какъ бы, однако, при этомъ не произошло путаницы! И какъ сообщить этимъ демократіямъ о нашихъ желаніяхъ? Отправились къ посланникамъ нидерландскому, а затѣмъ — шведскому. Оба посольства, какъ водится, укрыты внутри двора и сада; кавасы, прислуга въ должномъ количествѣ. Нидерландецъ отстаиваетъ здѣсь интересы Франціи и Англии, шведъ — С. Штатовъ. Оба были очень озадачены, услышавъ отъ насъ просьбу: нельзя-ли довести до свѣдѣнія Западныхъ державъ, что, при очищеніи турками территорій, занятыхъ ими по Брестъ-Литовскому договору, — а такого очищенія у нихъ, конечно, потребуютъ — Батумъ и батумская область могли-бы немедленно быть заняты грузинскимъ правительствомъ?

Вѣроятно же всего, эти державы сами «изволятъ» занять Батумъ: все таки полезно имъ сообщить, что мы считаемъ это добро своимъ и можемъ имъ управлять.

Посланники обѣщали «подумать»... о способахъ исполненія нашей просьбы. Но они видимо находили такую просьбу эксцентричною.

«Какъ могу я, замѣтилъ одинъ изъ нихъ, выступать противъ интересовъ правительства, при которомъ я аккредитованъ?» «Но Ваше П-ство аккредитованы теперь при всѣхъ народахъ, стремящихся къ благамъ мира!» и т. д.

...Видите, говорю я своему любезному спутнику Г. на обратномъ пути: почтенные люди, почтенныя державы, а какая чувствуется робость! Какимъ же тономъ будемъ говорить мы, такіе, можно сказать, оборванцы, сравнительно съ Швеціей, Нидерландами? Впрочемъ, всѣ эти «независимости» для нихъ нѣчто непредусмотренное, и Готскій альманахъ еще молчитъ о насъ! Вотъ они и въ смущеніи.

15 октября.

Заѣхали къ болгарскому посланнику Голушеву — съ тою же просьбою. Этотъ былъ въ курсѣ вопроса и обѣщаль телеграфировать своему правительству — для передачи американскому представителю въ Софіи, что такъ и такъ, Грузія добивается чтобы и т. д.

Сидимъ у него долго, обсуждаемъ шансы мира. Болгаринъ не вѣритъ ни въ лигу народовъ, ни въ искорененіе войны, но готовъ все это «попробовать».

Случайно, былъ представленъ въ гостинницѣ новому великому визирю, Иззетъ-пашѣ. Завтра онъ насъ принимаетъ.

Въ армянской делегаціи. Обсуждаемъ наши общія дѣла. Теперь у нихъ возрождаются всѣ надежды, и скоро забудутся «александропольскіе» и другіе черные дни. Рано или поздно турки очистятъ все что занято ими въ Арменіи и Грузіи. Но гдѣ кончается одна, гдѣ начинается другая? Неужели разграниченіе не подготовлено еще тифлисскимъ и эриванскимъ правительствами?

16 октября.

Патеры заходятъ къ намъ чуть не ежедневно, передаютъ городскія новости: правительствомъ всѣ недовольны, турокъ всѣ проклинаятъ, въ субботу ждутъ сюда англичанъ (!)... Въ

турецкой печати все заговорило ласково о «децентрализации», «автономіяхъ» и т. д. Готовятся къ суду не безъ страха, что

Quidquid latet adparebit
Nil inultum remanebit...

Позже, изъ Галаты, отправляли б. плѣнныхъ обратно въ Грузію, а затѣмъ поѣхали въ Высокую Порту. Иззетъ-паша безъ обиняковъ заявилъ — это, впрочемъ, теперь и не могло быть иначе — что все занятое ими въ Грузіи сверхъ границъ Брестъ-Литовскаго договора будетъ очищено. Что касается провинцій, полученныхъ въ силу этого договора (Батумъ) то, если возвращеніе ихъ окажется необходимымъ (въ силу такъ наз. принциповъ президента Вильсона), они ихъ вернуть. О подробностяхъ намъ слѣдуетъ условиться съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Наби-беємъ (который, по вызову великаго визиря, присутствовалъ при нашей бесѣдѣ).

На слѣдующій день, 17-го октября мы имѣли дальнѣйшій разговоръ съ министромъ и съ товарищемъ министра Решадъ-Хикметъ-беємъ.*)

По вопросу объ очищеніи Ахалцихскаго и др. уѣздовъ (т. е. что «сверхъ» Б.-Литов. мира) они подтвердили свое согласіе ихъ немедленно очистить, хотя и сдѣлали замѣчаніе о мусульманскомъ характерѣ «Ахаски», объ истинныхъ желаніяхъ населенія и пр. «Тѣмъ не менѣе, заявилъ Решадъ-Хикметъ, мы отказываемся отъ того, что выходитъ за линію Брестъ-Литовскаго договора и желаемъ жить въ наилучшемъ сосѣдствѣ съ грузинами, наиболѣе на Кавказѣ и т. д.», тутъ пошли «сладости». Мы обсудили затѣмъ, въ подробностяхъ, вопросъ о порядкѣ очищенія этихъ территорій и получили обѣщаніе, что обо всемъ сдѣлано будетъ телеграфное распоряженіе.**)

Затѣмъ перешли къ батумскому вопросу, и, сосредоточились на вчерашнемъ, очень условно выраженномъ тезисѣ Иззетъ-паши, что «если Турція будетъ вынуждена очистить три санджака (Батумъ, Ардаганъ, Карсъ), то грузинскую часть

*) Этотъ дипломатъ, нынѣ уже умершій, пользовался большою репутаціею.

***) Дѣйствительно, очищеніе турками территорій, о которыхъ здѣсь говорится, началось 18-го октября 1918. Тогда-же произошли первыя армяно-грузинскія столкновенія изъ-за невыясненности взаимныхъ границъ. См. изданный груз. правительствомъ сборникъ: *Изъ исторіи армяно-грузинскихъ отношеній. 1918 годъ. Тифлисъ. 1919.*

этой территоріи она готова уступить Грузіи». По этому предмету наши собесѣдники были уклончивы и выражались не безъ угрюмости. Они, кажется, надѣются сохранить «по Вильсону», то что получили «по Брестъ-Литовску». Это съ ихъ стороны остроумно.

Оттуда, подъ щедрымъ октябрьскимъ солнцемъ, скачемъ въ германское посольство, къ генералу фонъ-Лоссову, по его просьбѣ. Тамъ-же былъ и А. Агаронянъ. Лоссовъ, равнымъ образомъ, видѣлся съ Иззетъ-пашею и получилъ тѣ-же завѣренія, что и мы. Теперь онъ совѣтовалъ намъ отправиться къ великому визирю совмѣстно съ армянами, и подтвердить, между прочимъ, что внутреннее размежеваніе очищаемыхъ территорій между Грузіей и Арменіей мы произведемъ сами. Мы съ удовольствіемъ приняли этотъ совѣтъ.

...Оставшись одни съ генераломъ, мы продолжаемъ бесѣду. Онъ находитъ, что надо щадить самолюбіе турокъ. Не слѣдуетъ, поэтому, чрезмѣрно торопиться съ разрѣшеніемъ напр. батумскаго вопроса, который въ свое время получить свое разрѣшеніе.

Въ заключеніе, ф. Лоссовъ высказалъ увѣренность, что дѣло независимости Грузіи и Арменіи поставлено прочно, возможность-же осуществленія самостоятельности Сѣвернаго Кавказа и Азербайджана — сомнительна.

И это — точка зрѣнія. Правильная-ли, и въ какой части правильная — это вопросъ другой.

Позже отправились къ армянамъ, поговорить о совмѣстномъ шагѣ, согласно совѣту, данному при Агаронянѣ. Оказалось, однако, какъ сообщилъ намъ ихъ секретарь, что они уже поѣхали... къ великому визирю и министру иностранныхъ дѣлъ.

18 октября.

Сегодня, въ мусульманскій праздникъ, въ день селямлика, при радостномъ солнцѣ и полныхъ народомъ улицахъ, около полудня внезапно загремѣли орудія, затрещали пулеметы. «Аэропланы, аэропланы» — раздалось всюду. Надъ Золотымъ Рогомъ видны были хлопья — черныя и бѣлыя — отъ разрывовъ, а затѣмъ разглядѣлъ и аэропланы — до шести — быстро пронесившіеся надъ Стамбуломъ. Раздавался грохотъ и отъ взрывовъ — въ одномъ мѣстѣ, надъ гребнемъ холма поднялся

огромный черно-сѣрый столбъ дыма. Неожданность налета, смѣлость воздушныхъ наѣздниковъ, низко спустившихся, прежде чѣмъ подняться, смятеніе однихъ, любопытство другихъ — все это при залпахъ, стукахъ сверху, снизу, вокругъ... Спусти два-три часа налетъ повторился — бросали прокламаціи, которыя блестящими точками, какъ-бы каскадами блѣдныхъ искръ, носились высоко въ воздухѣ.

20 октября.

Происходитъ какая-то комедія: уже нѣсколько дней, какъ на всѣ лады повторяется и подтверждается о переговорахъ, которые ведутся съ Англійей смирскимъ вали Рахми-беємъ, съ участіемъ Рауфъ-бея. *) Официозно свѣдѣнія эти опровергаются — но въ формѣ, ихъ подтверждающей.

Лилль, Рубэ, Дуэ очищены германцами, послѣ 4-лѣтняго занятія.

Турція плошаеетъ, и наши мусульмане, естественно и неизбѣжно, возвращаются въ орбиту «кавказской конфедерации».

Для горцевъ кавказское объединеніе теперь все. Мысль правильная — придется лишь уточнить данныя о горской республикѣ, и говорить объ этомъ тамъ, на мѣстѣ.

Но и татары пригорюнились. Ворчатъ на Германію, которая предала-де Азербайджанъ большевикамъ (въ вопросѣ о признаніи независимости), нарушила интересы Турціи и т. д. Реакція вполне понятная!

21 октября.

Здѣсь рѣшительно нечего дѣлать. Дальнѣйшіе разговоры были-бы явно безплодны. Ни изъ Тифлиса, ни изъ Берлина отъ Чхенкели, нѣтъ извѣстій. Кавказскія делегаціи возвращаются обратно въ Батумъ. Ѣхать-ли съ ними или отправиться въ Брайлу?

И двухъ недѣль нѣтъ моему здѣсь пребыванію, между тѣмъ уже не въ моготу стало. А всѣ остальные «мурахаслар» уже 4 мѣсяца въ Константинополѣ!

Нашъ «мехмандарчикъ» совѣтуетъ ѣхать не завтра, а 26-го, съ пароходомъ «Решадъ-паша», болѣе быстроходнымъ.

*) Рауфъ-бей, выдающийся морякъ, председатель турецкой делегаціи на Трапезундской конференціи весной 1918 г. Позже одинъ изъ главныхъ дѣятелей анатолийскаго движенія. Родомъ абхазецъ изъ Сухумскаго округа.

22 октября.

Сегодня погрузилось и отплыло большинство азербайджанцевъ и горцевъ съ пароходомъ, который, Богъ вѣсть, когда доберется до Батума.

23 октября.

Всѣ наши берлинскіе труды на смарку? Генераль фонъ-Лоссовъ не смотритъ такъ: ему кажется, что кому нибудь изъ насъ слѣдуетъ поскорѣе отправиться въ Гаагу и подготовить державы «того» лагеря къ одобренію нашихъ берлинскихъ договоровъ. *)

Что-же, Чхенкели это легче сдѣлать изъ Берлина, чѣмъ мнѣ — отсюда. Константинополь сейчасъ отосвюду отрѣзанъ; и мнѣ лучше-бы вернуться въ Тифлисъ. По-прежнему — безъ извѣстій.

Поѣхали, въ сопровожденіи брата Петре изъ грузинской конгрегации, къ апостольскому делегату, монсиньору Анджеоло Дольчи, въ Панкальди. Домъ благороднаго итальянскаго обличія, на спускѣ въ переулкѣ.

Монсиньоръ съ крайней привѣтливостью вышелъ къ намъ въ богатый салонъ — полнокровный, сіяющій здоровьемъ прелать, въ полномъ расцвѣтѣ. Говорили о Грузіи, о католицизмѣ въ Грузіи, объ интересѣ къ ней папскаго престола, о войнѣ, о Германіи. Въ чемъ разница между православіемъ и католицизмомъ? Filioque etc.? Этого даже теологи никогда не могли уловить. Еще часть, и мы бы вышли на улицу католиками.

24 октября.

Встрѣчаю Фарухъ-бека Визирова*) вчера отпльвавшего съ другими на пароходѣ. Изъ-за сильнаго шторма они не могли выйти въ открытое море и вернулись въ Босфоръ. Онъ кое-какъ выбрался на берегъ и очень тому радъ. Качка неопишущая! Разъѣздъ начинается въ неуютныхъ условіяхъ.

Константинополь окончательно присѣлъ передъ Западными демократіями. Печать только и говоритъ объ особомъ

*) Теперь (1923) кажется невѣроятнымъ, что серьезный человекъ могъ на это надѣяться!

*) Крупный татарскій промышленникъ и хлопководъ, нынѣ покойный.

призваніи Турціи къ усвоенію и приложенію «принциповъ президента Вильсона» и т. д.

25 октября.

Перемиріе приближается. Отсюда спѣшно отправляются германскія и австрійскія части. Вѣроятно, мы наканунѣ открытія проливовъ; англійскій флотъ войдетъ въ Черное море. Германцы, пожалуй, удалятся изъ Грузіи; но это, думаю, не опасно въ новыхъ условіяхъ.

«Решидъ-паша» опять задержится. Ужъ не кардифскаго-ли угля дожидаются для него? Тѣмъ временемъ, сегодня новый налетъ аэроплановъ и пальба по нимъ. Все небо было испещрено хлопьями отъ разрывовъ.

26 октября.

Отходъ парохода отложенъ на неопредѣленное время. Въ теченіе столѣтій владѣть морями и не умѣть теперь наладить сообщенія между Константинополемъ и Батумомъ! Неужели и эта война ихъ не исправитъ?

...Германское посольство сообщаетъ телеграмму Чхенкели изъ Берлина (отъ 18-го!) Проситъ меня немедленно вернуться въ Берлинъ. Прибавляетъ обычную свою сентенцію о томъ, что «теперь мы должны энергично работать» и т. д.

Правду сказать, какъ меня ни тянетъ въ Тифлисъ, придется, дѣйствительно, возвращаться въ Берлинъ и направиться оттуда на Западъ. Послѣ моей лѣтней поѣздки въ Христианію, мнѣ это легче сдѣлать. Отъ Чхенкели ждатель такого переѣзденія не приходится! Теперь надо все передѣлывать. Словомъ, собирался въ Батумъ, а поѣду въ Берлинъ!

28 октября.

Заколебался тронъ Вильгельма II; ушелъ въ отставку ген. Людендорфъ. Конецъ войнѣ?

29 октября.

Завтра плыву на Tigris въ Брайлу: сегодня мой послѣдній вечеръ въ этомъ неправдоподобномъ городѣ, въ невѣроятное время. Г. рѣшилъ ѣхать со мною — ему сообщили, что «Решидъ-паша» не отправится. Ожидается подписаніе перемирія, и всѣ теряютъ голову.

45.

30 октября.

Вотъ я на Tigris. Дрянной транспортъ, но выбора теперь нѣтъ! да и сюда мы попали по сильной «протекціи». Каютъ для насъ нѣтъ; пришлось сложить вещи на верхней палубѣ. Было холодно, дождливо, сурово: мой Г. палъ духомъ и отказался ѣхать въ такихъ условіяхъ. Можно и заболѣть! Онъ съѣхалъ обратно на берегъ. Добрый патеръ Піо выполнилъ за меня формальности, безъ которыхъ нельзя было уѣхать, привезъ бумаги и затѣмъ простился.

Отшли очень поздно, но скоро стало темнѣть, и бросили якорь... въ Босфорѣ.

Дождь не переставалъ. Это уже не Pera-Palace!

— 1 ноября.

Судовый поваръ уступилъ за хорошее вознагражденіе свою каюту; но кормить меня онъ не можетъ — у нихъ нѣтъ и лишней унціи! На борту у насъ нѣсколько офицеровъ, нѣсколько десятковъ солдатъ — все авіаторы изъ Дарданеллъ, 5-6 «вольныхъ». Капитанъ и помощникъ — нѣмцы: экипажъ — греки.

Вчера весь день дождь. Сегодня — солнце выглянуло — и опять дождь. Вечеромъ подошли къ устью Дуная — что за печальная картина! Въ Сулинѣ простои́мъ всю ночь, а завтра пустимся вверхъ по Дунаю.

При видѣ радуги солдаты говорили: вотъ вѣстникъ мира! Бѣдные: не сладко быть безпрестанно образцомъ дисциплины и исполненія долга.

Брайла, 3 ноября.

Поѣздка изъ Константинополя на этой калашѣ Tigris длилась не три, а пять дней, и вмѣсто двухъ ночей я провелъ въ моей случайной каютѣ — четыре.

Утромъ, 2 ноября, погода прояснилась. Мы вошли въ гирло, вслѣдъ за быстро насъ обогнавшей... «Минна Хорнъ»! и поплелись противъ теченія. Было солнечно, кругомъ — довольно пустынно. Машина наша капризничала и вдругъ остановилась какъ бы въ параличѣ. Позже, нагнали «М. Нортъ», стоящую почему-то на якорѣ. Прошли мимо, но насъ повер-

нули обратно: капитанъ, старый знакомый по рейсу Потти-Констанца, прокричалъ въ рупоръ, что у него для насъ телеграмма. Оказалось: приказъ всѣмъ пересаживаться на «Minna Horn», а Тигрису — возвращаться куда-то. Всеобщее изумленіе, послѣшныя сборы, переноска вещей...

Стали бортомъ къ борту: всѣ палубы Minna Horn переполнены были солдатами. Ихъ везли изъ Потти (значить, уходятъ изъ Грузіи!). Внезапно — новое распоряженіе: оставаться всѣмъ на Tigris-ѣ, который по состоянію своей машины и за неимѣніемъ угля не можетъ начинать новаго плаванія. Потерявъ много времени, продолжали путь. Утромъ, на разсвѣтѣ, проходили Тульчу, довольно красиво расположенную. День выдался отменный. Странно было смотрѣть на бессарабскій берегъ и на знать, что тамъ за государство. Мимо прошелъ пароходъ «Лучъ» подъ украинскимъ флагомъ. Въ Рени нѣскольکو строеній, разрушенныхъ огнемъ; у станціи много вагоновъ.

Въ Галацѣ огромная рѣчная флотилія; много баржъ съ греческими названіями или буквами. Тамъ-же какіе-то колесные пароходы, приведенные, повидимому, изъ Сербіи, а также новенькій австрійскій мониторъ. Въ Брайлѣ цѣлый часъ понадобился пароходу, чтобы причалить, и успѣло совершенно стемнѣть. Съ берега данъ былъ приказъ «штатскимъ» сойти съ парохода, остальнымъ остаться — завтра ихъ направятъ на Николаевъ. Иными словами, сообщеніе на Будапештъ-Берлинъ прервано! О моемъ приѣздѣ было сообщено изъ Константинополя, и я немедленно получилъ билетъ на комнату въ Hôtel Français.

Здѣсь, за обѣдомъ, подъ звуки румынскаго оркестра, узналъ о революціи въ Буда-Пештѣ, объ убійствѣ графа Тиссы. Вотъ еще одна старая монархія споткнулась, да какъ!

Брайла, 4 ноября.

Недурной городъ, много зелени, замѣтно богатство, приносимое Дунаемъ: рѣка «крупно-буржуазная!». Обычное этимъ лѣтомъ сообщеніе Брайла-Потти прекратилось. Встрѣтилъ знакомыхъ застрявшихъ здѣсь — они собираются въ Грузію черезъ Одессу. Этимъ же путемъ возвращается большая партія военноплѣнныхъ.

Еще одна встрѣча: капитанъ «Минны Х.» Отъ него узналъ, что ген. Крессъ еще въ Тифлисъ, съ нимъ немного войска.

«Какъ все измѣнилось съ той нашей поѣздки!» говорилъ капитанъ. Дѣйствительно, измѣнилось.

Можетъ-быть и мнѣ слѣдовало-бы ѣхать на Одессу и Киевъ? Почему-то я предпочелъ отправиться въ Бухарестъ, чтобы попасть въ Берлинъ черезъ Венгрію.

5 ноября.

Съ трудомъ выѣхалъ изъ Брайлы; слишкомъ ужъ людно, но поѣзда подъ военнымъ германскимъ управленіемъ ходятъ пока точно. Ночью прибыли въ Бухарестъ. Въ густомъ туманѣ искалъ убѣжища, объѣзжая всѣ гостиницы въ какой-то телѣгѣ, — тщетно. Въ прихожей одного отеля продремалъ до утра, потомъ нашелъ съ трудомъ логовище въ другомъ на Calea Victoriei.

На каждомъ шагу германскія военныя учрежденія. Штабъ Макензена въ Атенеумъ-паласѣ. Однако, у румынъ видъ радостный. Повоевали, а теперь имъ повалится въ ротъ все готовое. Объединеніе всея Румыніи — вотъ къ чему идетъ.

Наряду съ парижскимъ лоскомъ многочисленнаго городского слоя «приличной публики» — смушковые шапки, картузы и тому подобные, не «латинскіе», а скорѣе русскіе (украинскіе) атрибуты «простонародья». А между сихъ крайностей — просто румыны, черные, усатые.

Символично соединеніе Парижа съ молдаванщиной въ наименованіи табачныхъ лавокъ — *débit de tutun*.

Въ газетахъ сообщенія о прекращеніи войны Венгріею, о передачѣ австро-венгерскаго флота южнымъ славянамъ (!) и т. д.

Прямо поразительно. Турція подписала перемиріе 30-го ноября: Батумъ и Баку поступаютъ въ «распоряженіе» побѣждающихъ державъ.

Но какъ теперь доѣхать до англичанъ и французовъ? Въ Берлинъ частныхъ телеграммъ не принимаютъ. Въ политическомъ отдѣленіи штаба Макензена взяли послать мою депешу. Обѣщали также запросить, будетъ-ли отправленъ еще пароходъ въ Потти за остающимися въ Грузіи частями — съ этимъ пароходомъ я-бы отправился туда, если нельзя проскочить черезъ Венгрію.

«Вотъ ужъ, говорю дежурному офицеру: — не ожидайте застрять здѣсь на Calea Victoriei!». «Да вѣдь всѣ мы здѣсь застряли».

6 ноября.

Выправляю бумаги на въездъ въ Германію. Всѣ военныя правила примѣняются пунктуально. Въ одномъ изъ N N Pester Lloyd прочель полностью условія турецкаго перемирія. Они пріятны для Арменіи, но и для Грузіи благопріятны. Азербайджанъ пожалѣеть о туркахъ.

Патетическія свѣдѣнія о венгерской революціи. Духъ Кошута — но также разгромъ вокзаловъ, тюремъ; кое-гдѣ совѣты солдатскихъ депутатовъ. Это уже изъ другой оперы.

Сербія вся освобождена. Генераль д'Эсперэ, кажется, уже въ Бѣлградѣ.

7 ноября.

Надо спастись отсюда! Не сегодня-завтра движеніе прекратится — Венгрія не пропускаетъ угля. Въ 9 час. вечера есть поѣздъ на Оршову, до венгерской границы. Бумаги въ порядкѣ. Ёду.

...Невѣроятная толпа на вокзалѣ. Германскіе часовые и румынская полиція съ трудомъ поддерживаютъ порядокъ. У кассы уже толпа — за три часа до отхода поѣзда: да и билеты, говорятъ, уже всѣ разобраны. Вещей не принимаютъ на храненіе — багажная комната переполнена! какъ прикажете «маневрировать» и какъ быть? О чьей-либо помощи и помину нѣтъ.

...Вздоръ, будто-бы не бываетъ чудесъ. Чудеса бываютъ. Я получилъ билетъ и занялъ мѣсто въ переполненномъ купѣ. Ничего не подѣлаешь — Провидѣніе или святой Георгій явно мнѣ помогаетъ.

...Румынское общество: деликатная дама и такой-же джентльменъ бесѣдуютъ по французски о томъ, какъ при первой возможности они поѣдутъ въ Парижъ: въ Румыніи оставаться прямо невозможно. Пѣвички изъ Вѣны, но здѣшнія, угощаютъ всѣхъ виномъ и бутербродами — очень удобно. Молодой нѣмецъ-офицеръ начинаетъ съ рѣшительныхъ движеній и диктаторскихъ замашекъ, но — быстро дѣлается шелковымъ. Позже вваливается румынъ-инженеръ, демобилизованный капитанъ. Сообщаетъ новости, которыя съ жаромъ обсуждаются пассажирами. Правительство Маргиломана пало; во главѣ новаго — генераль Коанда. (Кстати, война по румынски — «разбой!»). Буковина уже занята румынскими войсками, скоро будетъ занята и Трансильванія. «Съ Бесса-

рабией, получится Румынія въ 18 милліоновъ населенія! самая смѣлая надежда наши превзойдены» и т. д.

Германская оккупация вызываетъ, конечно, жалобы. Но теперь — конецъ ихъ владычеству. Золотое дно, эта Румынія, и не разъ еще германцы будутъ съ сожалѣніемъ о ней вспоминать. «Но не забудется ихъ грубость — говоритъ инженеръ, питомецъ Дармштадскаго техникума. Они увезли отсюда и сырье, и все, что угодно; много станковъ, двигателей предоставили болгарамъ — «нашимъ вѣрнымъ союзникамъ», ха, ха! А что сказать объ офицерѣ, который у меня въ домѣ, къ моимъ картинамъ прибилъ, для просушки, шкуры застрѣленныхъ имъ волковъ и лисицъ»...въ такихъ разговорахъ проходитъ ночь, безъ сна и отдыха. Проѣзжаемъ Питешти, Крайову.

8 ноября.

Изъ газетъ узнаю подробности венгерской революціи. Каковъ приемъ Карольи и другихъ въ Бѣлградѣ генераломъ Franchet d'Esperay! Хуже тѣлеснаго наказанія.

...Вотъ Дунай, Желѣзныя Ворота, островъ Ада-кале — кусочекъ Турціи, живое и живописное напоминаніе о дняхъ оттоманской славы... румынская граница (Верчіорова) — а затѣмъ и венгерская, въ Оршовѣ.

Провѣрка паспортовъ; венгерскій офицеръ говоритъ любезности уроженцу Грузіи, спрашиваетъ, хорошо-ли я сижу.

Тронулись по территоріи новой республики. Со мною въ купѣ — венгерскіе чиновники. У нихъ чудное настроеніе. «Конецъ войнѣ, всякой войнѣ — говоритъ славный старикъ, инспекторъ дунайскаго пароходства. И свобода всѣмъ народамъ! И земля всѣмъ! Не будетъ больше въ Венгріи крупной собственности» и т. д.

Сестры милосердія (скорѣе «заурядъ-фельдшерицы» — такъ кто-то въ Россіи предлагалъ ихъ называть), вѣнки. Универсальный типъ «барышень», устроившихся около войны. Для нихъ война была большимъ, длительнымъ развлеченіемъ. Съ ними какой-то военный чиновникъ, который еще на послѣднихъ румынскихъ станціяхъ пораспродавъ предметы своего снаряженія.

Вваливаются все новыя лица. Венгерскій офицеръ гусарскаго облика, — оказался затѣмъ врачомъ...

Наступаетъ ночь. Сплю какъ камень — зыбкій, шаткій, валкій камень — сидя.

9 ноября.

Демобилизация дает себя чувствовать. Опоздываем немилосердно. На всех станциях обезоруженные солдаты, возвращаемые родине. Воображаю, что за сумятица на бывшем итальянском фронте, откуда в разные стороны отхлынули солдаты разных пород — по своим домам.

Всё здесь украсили себя кокардами с национальными цветами.

...Поздно вечером прибыли в Будапешт. Во всем городе ни одной свободной комнаты — стереотипно отвечают в двадцати местах. Проливной дождь. Возвращаюсь на вокзал (уже другой). Узнаю, что в 12 час. ночи отойдет поезд на Одерберг. Поезд подан в 3 часа. Устраиваюсь в неосвященном вагоне 3 класса, с разбитыми стеклами. Попутчики — германский санитарный отряд из Македонии. Окна зависли одеялами, пытались спать в сильный холод.

10 ноября.

Поезд галопирует недурно. Едем по гористой местности, между отрогов Татр и Бескид. Часам к четырем приехали в Рутку, где конец Венгрии. Не успел установить с точностью, какое государство начиналось по ту сторону границы, ибо на станции, сверх массы освобожденной «живой силы», обнаружился также буфет, к которому я почувствовал невольное влечение: после моего последнего обеда в Бухаресте, в Hôtel du Boulevard прошло трое суток,

...поезд был сейчас же взят приступом, солдатами, возвращающимися в Германию или в Галицию (через Краков). Я весьма успешно захватил позицию и оказался в обществе польского солдата, комично рассказывавшего, как они «утекали» из Сербии, и молодых германских пехотинцев...

В 3 часа ночи нас разбудили: «Одерберг». Ну, подумал, пожалуй доберусь до Берлина.

11 ноября.

В Одерберге полный порядок. У меня отобрали книги и бумаги, обещали выслать в Берлин. В 5 час. утра отправился бреславльским поездом: билета до Берлина не выдали, туда не пропускают — там происходит нечто чрезвычайное.

...Сижу с офицерами, явно сбитыми с толку. «Были, конечно, говорят они, преувеличения в дисциплине, но в общем ведь все шло хорошо». Что собственно происходит — им неизвестно. Но ясно, что в Германии революция.

В Оппельне узнаем об отречении Вильгельма, о республике, об условиях перемирия, уже принятых.

Бреславль. Здешний вокзал — нечто образцовое. Пока — точная, чистая работа. Завтрак — немного мозгов и шпината, с тонким ломтиком хлеба — знак дисциплины и самоограничения большого народа. В Берлин пропускают теперь. Запасаюсь газетами и продолжаю путь. Начинаем опаздывать — постепенно вхожу в курс здешних событий и не удивляюсь, когда кто-то воскликнул, при въезде в вокзал Alexanderplatz: слышите, пулеметная стрельба! Действительно, что-то таяло — но скромно.

Приехали. В гостиницу Adlon нельзя — по дороге туда неблагополучно. Отправляюсь с носильщиком в Continental. Солдат с красной повязкой спрашивает паспорт: я в революционном Берлине.